

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

«Приговора к смертной казни и политической смерти не исполнять»

Хорошо известно, что за двадцать лет правления императрицы Елизаветы Петровны, с 1741 по 1761 гг., не было совершено ни одной смертной казни. Французский литератор и дипломат Жозеф де Местр назвал «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации»¹. Итальянский философ Чезаре Беккариа был вдохновлен «знаменитым примером императрицы Московии» и через три года после ее кончины опубликовал свой трактат «О преступлениях и наказаниях»². Екатерина II оценила эту заслугу «нашей тетки Елизаветы» выше «самых блистательных завоеваний», однако сделала исключение для случаев, «возмущающих народное спокойствие», и казнила поручика Мировича, участников Чумного бунта и восстания Пугачева³.

Между тем подобный прецедент, уникальный не только для русской истории, но и для истории всех стран Нового времени, остается практически без научной интерпретации. Специалисты упорно довольствуются свидетельствами вездесущего князя Михаила Щербатова, который писал о дворцовом перевороте 1741 года: «Она при шестии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»⁴. Эта легенда с теми или иными вариациями воспроизводится во всех исследованиях, посвященных правлению Елизаветы Петровны. Однако исследование обстоятельств приостановки смертной казни и политической смерти в середине XVIII столетия содержит богатый материал для изучения самосознания императорской особы, каналов репрезентации власти, механизмов социального контроля, соотношения закона Божьего и закона государственного в представлениях современников. Кроме того, события, так или иначе связанные с этим сюжетом, обеспечены гораздо более широким кругом источников, чем обличающий трактат разгневанного князя.

Указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение экзекуций по делам колодников, приговоренных к смертной казни,

---

¹ Письмо Жозеф де Местра де Росси. 1807 август; письмо Жозеф де Местра Козловскому П.Б. // Жозеф де Местр. Петербургские письма. СПб. 1995. С.85, 282.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях». С.314-333.

³ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб. 1907. С.62.

⁴ «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М. 1984. Факсимильное издание. С.55.

политической смерти, а в отдельных случаях и к вечной ссылке, был опубликован 7 мая 1744 года. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. В сущности беспрецедентное решение сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»⁵.

Власть явно проявляла осторожность и как следствие неясность трактовок: с одной стороны, приказывалось «эзекуции не чинить», а с другой – количество смертных приговоров никак не регламентировалось, и они неизменно выносились на основании существующего законодательства. О провозглашенном моратории вообще мало кто был осведомлен даже в среде высшего сословия. Указ от 5 мая 1744 года был составлен собственноручно императрицей в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената, на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в секретной экспедиции, а в публичную экспедицию поступила копия, содержащая лишь высочайшее распоряжение без замедления высылать экстракты дел колодников, приговоренных к высшей мере наказания. Именно эта копия без какого-либо упоминания о существовании спрятанного указа и была разослана в коллегии, канцелярии, губернии и провинции. Подготовку экстрактов для высочайшей конфирмации поручили специально учрежденной при Сенате экспедиции во главе с секретарем Иваном Судаковым. Слушания по приговорам, осужденных на смертную казнь и политическую смерть, проходили в строжайшей секретности: сенатские протоколисты на эти заседания не допускались, а посвященного Судакова с канцеляристами экспедиции поместили в «особливой от публичных дел палате»⁶.

В свою очередь исполнение принятого, но так и не обнародованного моратория требовало постоянного контроля правительства и даже высочайшего вмешательства в самые разнообразные судебные дела. Решение о приостановке смертной казни воспроизводилось с настораживающей регулярностью на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны и обрастало все новыми трактовками, пояснениями и толкованиями. Настойчивое повторение одного и того же указа свидетельствовало о сложностях, связанных с его реализацией, и о фактах нарушения, некоторые из которых дошли до престола и нашли отражение в законодательстве.

Так в 1749 году киевский генерал-губернатор М.И. Леонтьев вынужден был донести в Сенат, что вопреки изданному указу в Запорожье повесили двух казаков, участвовавших в грабительстве и разгромивших дом польского еврея-арендатора Шмолла. При этом кошевой атаман

⁵ ПСЗ. Т. XII. №8944. С.114. 1744 7 мая.

⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.919. Л.99-100.

запорожского войска в рапорте сослался на некое, видимо, ему одному известное императорское распоряжение вершить смертную казнь и впредь, поскольку без этого «воровство и прочие шалости искоренить невозможно»⁷. Незадолго до этого сходная бумага пришла из Ревельской губернской канцелярии. Местные ландраты и магистрат просили Сенат не уничтожать их «древние справедливости» и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации в виду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее⁸.

Позиция престола по поводу таких попыток ревизии законодательства оставалась непреклонной: на всей территории империи без исключения «осужденным к смертной казни и политической смерти экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа». Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры по-прежнему оставались лишь на бумаге. Власть же продолжала ревностно относиться к принятому закону, действовала на опережение и после присоединения новых земель немедленно направляла туда указы о приостановке или отмене смертной казни⁹. Мораторий относился даже к осужденным по делам Тайной канцелярии и военным преступникам. 31 мая 1744 Сенат разослал специальные предписания и в ведомство политического сыска, и в полковые лейб-компании и лейб-гвардии¹⁰.

В результате менее чем за десять лет с момента издания указа 1744 года в Сенате скопилось 279 приговоров к смертной казни и еще 3579 дел, связанных с убийствами, воровством и разбоями, были в производстве и ожидали конфирмации императрицы. «Колодники час от часу умножались, чинили<сь> утечки» и караульные не справлялись со своей должностью¹¹. Екатерина II также вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было»¹².

⁷ ПСЗ. Т. XIII. №9586. С.25. 1749 13 марта. См. об этом также: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1964. Кн. XII. Тт. 23-24. С.40.

⁸ ПСЗ. Т. XII. №9312. С.583-584. 1746 5 августа.

⁹ См. именной указ 1794 года «об истреблении пыток и смертных казней» в Литовских губерниях; именной указ 1801 года об отмене смертной казни в Грузии и т.д. (ПСЗ. Т. XXIII. №17264. С.576. 1794 20 октября; Т. XXV. №18943. С.622-623. 1799 20 апреля; Т. XXVI. №20007. С.786. 1801 12 сентября; и др.).

¹⁰ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.919. Л.18-18^{об}.

¹¹ ПСЗ. Т. XIII. №10086. С.817-819. 1753 29 марта. См. об этом также: Анисимов Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб. 2004. С.256.

¹² Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // Коваленский М.Н. Хрестоматия по русской истории. М. 1917. Т.3. С.200-201.

Не меньшие проблемы, правда, другого, терминологического плана, возникли и при реализации второй части знаменитой формулировки указа 1744-го года «о неисполнении приговоров к смертной казни и политической смерти». Если суть «натуральной смерти» была более или менее ясна и в Петербурге, и в провинциях, то сам термин *политическая смерть* вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена – точных указов не имеется»¹³.

Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие *политическая смерть*. Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой собственно и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей Елизаветинского правления. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положению на плаху» и всемилостивейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко неполным, содержание дел и приговоров проанализированы не были, и самое главное – выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П.П.Шафирова.

«Казуса Шафирова»

Вице-канцлер обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов» на заседании Сената 31 октября 1722 года, когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более двадцати лет. По регламенту Шафиров как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Сокрняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Сокрнякова, приспешника своего давнего противника Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафировым, а потом сопровождаемый Головинным и Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Голицын, Долгорукий и Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой

¹³ ПСЗ. Т. XIII. №10087. С.819-820. 1753 29 марта.

оскорбленный обер-прокурор и заседание Сената закрылось. На беду генерал-прокурор Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирову торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во Францию, и как водится, «еврейскую природу»¹⁴. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 года в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот¹⁵. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих-Вильгельм Берхгольц записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых санях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, - и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»¹⁶.

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым, по всей видимости, навсегда опалив его сердце. Оглушенный, со слезами на глазах он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж выкрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих – кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с

---

¹⁴ Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (См. об этом: Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им самим в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. М. 1860. Ч.3. 1723-й год. С.28; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1963. Кн. IX. Тт.17-18. С.456-466).

¹⁵ РГАДА. Ф.248. Д.300. Л.271; см. также Л.263-266, 267-270^{об}.

¹⁶ См.: Берхгольц Ф.-В. Ч.3. 1723-й год. С.28.

поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один¹⁷.

Казус Шафировва практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. После виртуальной расправы с первым кабинет министром А.И.Остерманом, «положением» его на плаху и последующим помилованием в 1742 году, термин *политическая смерть* прочно укрепляется в текстах законодательных актов и употребляется, как правило, вместе с понятием *смертная казнь*. При этом в ситуации моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также четкого понимания ее процедуры и обряда особенно возрастало.

«Натуральная смерть» и ее имитация

Не далее, как летом 1743 года вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров встал уже в дипломатическом контексте. Шли последние недели затянувшихся переговоров в ходе реваншистской русской-шведской войны, однако так и не позволившей Стокгольму пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взошедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как у ее венценосного отца двадцать лет назад. Любая политическая оплошность могла привести к срыву подписания так называемого «Уверительного акта»¹⁸, поэтому Елизавета Петровна была весьма разгневана, когда получила от главнокомандующего П.П.Ласси донесение о случаях мародерства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что по всей вероятности, пострадали даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обещала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчетами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие «политическая смерть». Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему: «Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и

¹⁷ Берхгольц Ф.-В. Ч.3. 1723-й год. С.28-29; Бердников Л.И. Евреи государства Российского (XV – начало XX вв.): Литературные портреты. М. 2009. С.82-84.

¹⁸ См. об этом: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1963. Кн.ХI. Тт.21-22. С.222-223; Писаренко К.А. Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. №3. С.106–113.

грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять <...>; на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божию и по правам государственным наижесточайшей смертной казни, однако Мы, от милосердия Нашего, смерти предать их не хотим <...> и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упушения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что Мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертью наказывать уставили»¹⁹. Попыталась Елизавета смягчить оскорбленные чувства не только канцлера Карла Шленбурга (или Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать»²⁰.

Сама сентенция была рассчитана на ее публичный характер и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным Уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые то грабленое принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать»²¹.

Данный указ от 2-го августа 1743 года, не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов, остался бы без особых последствий, если бы не «терминологический реверанс» в сторону шведского канцлера. Но упоминание о «политической смерти», которая заключается в отсечении правой руки и заменяет собой смертную казнь, породит проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII веке, искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародерства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в данном указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду

---

¹⁹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб. 1902. Т. II. С.972-973; См. также: РГАДА. Ф.248. Оп.105. Д.8321. Л.262-263^{об}; Ф.248. Оп.113. Д.919. Л.1-4; Сенатский архив. СПб. 1892. Т.5. С.651.

²⁰ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. II. С.972-973.

²¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. II. С.972-973; см. об этом также: РГАДА. Ф.248. Оп.105. Д.8321. Л.262-263^{об}; Ф.248. Оп.113. Д.919. Л.1-4; Писаренко К.А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743-1744 гг. // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Том XVIII. М. 1991. Вып.18. С.33, 45-46.

«сказания смерти и положения на плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 году, промелькнувший в законах тезис о замене смертной экзекуции политической смертью переключался в указ от 29 марта 1753 в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания данного термина, и наконец, определил название указа от 30 сентября 1754 года уже в процессе кодификации в XIX веке²². В-третьих, исходя из данного ошибочного определения основного смысла указа в ПСЗ, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью²³.

В действительности же, натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, на которые и накладывалось запрещение вершить без санкции Сената и высочайшей конфирмации. Более того, смерть и ее публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникал некий терминологический конфликт и потребность в более четких определениях. Проблема дефиниций усугублялась еще и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 года на имя императрицы поступает доклад за подписью И.Ю.Трубецкого, А.И.Ушакова, А.Б.Куракина, А.И.Румянцева, А.Б.Бутурлина, И.И.Бахметева, П.И.Шувалова и А.Д.Голицына, по которому предлагается: «подлежащи<м> к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу “В”, а на щеках на одной “О”, а на другой “Р”», а осужденным на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После экзекуции все клейменные преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжелую и всегдашнюю работу». В данном докладе в общих чертах прописывался и обряд *политической смерти*: «ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом объявлена им будет

---

²² Несмотря на то, что в указе 30 сентября 1754 года, ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа дается в историографии по ПСЗ: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о заменении смертной казни политической, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (Ср.: Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сент. 1754]. [СПб.] Печатан по определению Правительствующаго Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апр. 1776; ПСЗ. Т.XIV. №10306. С.235-236. 1754 30 сентября).

²³ См., например: Смерть политическая // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб. Т.XXX^A. С.523-524; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М. 2008. С.556.

Ее Императорского Величества милость»²⁴. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов и то с «орфографическими коррективами». 9 июня 1746 года был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом *вор*, означая на лбу “ВО”, на правой щеке “Р”, а на левой - “Ъ”»²⁵. Речь, разумеется, шла только о несмываемом позоре и бессмысленности любого побега осужденных на смертную казнь. Судьба приговоренных к политической смерти, как и содержание самого понятия, оставались пока без высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне еще несколько раз, в 1746-м и 1750-м годах, но лишь в 1753-м получил императорскую резолюцию²⁶.

В исследовательской литературе высказывается предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать “натуральную смерть” увеличением физических мучений»²⁷. Однако решение, касающееся страшной отметки «ВОР» было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу Ласси периода русско-шведской войны, а использовать их труд, причем не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчета. «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донести, что <ежели> отсесть по правой руке и, вырезав ноздри, ссылат в вечную работу, <то> такие безрукие ни к каким уже работам действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»²⁸.

Наконец, в 1753 году было дано более развернутое толкование *политической смерти*, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор. «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылк<ой>»²⁹. Кажущаяся противоречивость

²⁴ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1023. Л.11-16^{об}.

²⁵ ПСЗ. Т.ХII. №9293. С.558. 1746 9 июня. В 1754 году вернулись к более рациональному варианту «ВОР» без «Ъ» (ПСЗ. Т.ХIV. №10306. С.235. 1754 30 сентября).

²⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1023. Л.33-34.

²⁷ См., например: Писаренко К.А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743-1744 гг. С.33-50.

²⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1023. Л.14-16^{об}).

²⁹ ПСЗ. Т.ХIII. №10087. С.819-820. 1753 29 марта. Доклад Сената был конфирмован императрицей и подтвержден спустя год. См. также: ПСЗ. Т.ХIV. №10101. С.838-839. 1753 25 мая; Т.ХIV. №10306. С.235-236. 1754 30 сентября; РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.1023. Л.14-16^{об},38-40.

данной трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбой» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и *политической смерти* не считались. Таким образом, под ту или иную форму высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и ее инсценировка, практически приравниваемая мораторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

Однако если вопрос о *политической смерти* был для сенаторов и императрицы все же вопросом терминологии и судебной теории, то собственно приостановка смертной казни оказалась и практической, и более общей, мировоззренческой, проблемой. Прежде всего возникла неопределенность - что делать с увеличивающимся количеством татей, душегубов, фальшивомонетчиков и прочих «злодеев», которые, ожидая своей участи, требовали бдительной охраны и немалого «иждивения». Указ о приостановке смертной казни был подписан, но все приговоры оставались и без высочайшей конфирмации, и без изменения меры наказания. В марте 1746 года Сенат доносил, что получено уже 110 сведений об убийцах, 169 экстрактов по поводу воровства, разбоя и других вин, 151 человек осужден на вечную каторгу. Обрисовав ситуацию, сенаторы сами же и предложили императрице выход: «всех вышеписанных ссылать для работы в Рогервик»³⁰.

«Ржаной остров» Рогервик

«Ржаным островом» называли шведы редко замерзающую бухту в 50 километрах от Ревеля, которая в ходе Сереной войны отошла России. Петр шесть раз посещал Рогервик, сам лично производил замеры глубины дна в гавани и принял решение строить здесь порт, а для защиты залива соорудить каменную насыпь от острова до материка. В 1718 году первый русский император лично присутствовал при закладке мола и крепости на берегу. Руководить работами было поручено потомку выходцев из Шотландии инженер-майору Иоганну Людвигу Люберасу, а вот первыми строителями в условиях отсутствия моратория на смертную казнь стали угрюмые и неподатливые, но в целом безобидные и, разумеется, бедные бородачи и раскольники. В 1722-1723 года вышли два именных указа и «о ссылке в Рогервик не желающих брить бороды и не имеющих, чем заплатить штрафа» и «о посылании раскольников вместо Сибири в Рогервик на вечную работу»³¹. Число колодников, дробящих скалы и таскающих неподъемные глыбы к морю, достигало иногда трех тысяч³². Стройка

³⁰ Сенатский архив. СПб. 1893. Т.6. С.642-643.

³¹ ПСЗ. Т.VI. Т.VI. №4041. С.725. 1722 28 июня; №4109. С.782. 1722 15 октября; Т.VII. №4256. С.86-87. 1723 28 июня.

³² См. об этом, например: Сенатский архив. СПб. 1893. Т.6. С.639.

продолжалась, но судьбы этих гонимых за веру и традиции предков каменотесов не отпускали всемогущего императора-реформатора. В последних указах умирающего самодержца от 26 и 27 января 1725 года повелевалось освободить всех колодников, кроме убийц и грабителей, чтобы они молились Богу об облегчении скорби Его Величества³³. 28 января Петра не стало. 30 января императрица Екатерина Алексеевна, видимо, заботясь о душе усопшего венценосного супруга, еще раз подтвердила амнистию осужденным не за тяжкие преступления³⁴.

Монаршее милосердие и проявление христианской духовности на престоле, конечно, трогательно, но Рогервик опустел и порт стало возводить некому. По докладу Любертаса в 1726 в крепости оставалось только 450 человек, из которых 150 вскоре перевели на серебряные рудники в Нерчинск. К 1746 году Сенат обнаружил, что на острове «кроме мастеровых 10 человек никого нет и зачатое там строение не производится, плиты за долгим лежанием от мокроты и ненастья пришли в негодность, а мулия, сделанный тяжким трудом каторжных невольников, <почти весь> явился под водою»³⁵. Обрисовав все представляющиеся выгоды содержания деревянного флота в почти незамерзающей защищенной бухте с соленой водой³⁶, сенаторы предложили Елизавете Петровне возобновить работы в рогервицкой гавани.

Доклад Сената императрица получила в марте 1746 года, а уже в июле лично посетила Рогервик, где были запланированы показательные маневры 32 военных судов, не состоявшиеся, правда, из-за отсутствия попутного ветра. Елизавету Петровну сопровождал двор, представители знатнейших дворянских фамилий, наследник престола и его супруга великая княгиня Екатерина Алексеевна. Молодая немецкая принцесса разбила все ноги о скалистую поверхность острова и была, пожалуй, единственной из свиты, кто в своих записках обратил внимание на колодников рогервицкой гавани. «Почва этого местечка каменистая, - вспоминала Екатерина, - покрытая густым слоем мелкого булыжника. <...> Мы стояли здесь лагерем и должны были ходить по такому грунту в течение нескольких

³³ ПСЗ. Т.VII. №4638. С.408. 1725 26 января; №4642. С.409-410. 1725 27 января.

³⁴ См.: ПСЗ. Т.VII. №4645. С.411-412. 1725 30 января, а также другие указы Екатерины I, облегчающие положение колодников, «кроме обвиненных по первым двум пунктам, в смертоубийства и неоднократных разбоях»: ПСЗ. Т.XVII. №4655, 4968, 4970, 4985 и др.

³⁵ Сенатский архив. СПб. 1893. Т.6. С.639-642.

³⁶ Датский пастор Педер фон Хавен, путешествовавший по России, также отмечал преимущества бухты Рогервик и губительные недостатки кронштадтского порта: «Сколько строилось новых кораблей, столько же из старых каждый год приходило в негодность. Главной причиной тому считали особенность воды в этой гавани, вот почему работы по устройству новой гавани, начатые императором Петром Первым, опять возобновлены» (Хавен П. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб. 1997. С.305).

дней; у меня ноги болели потом целых четыре месяца. Каторжники, работавшие на моле, носили деревянные башмаки, и те не выдерживали больше восьмидесяти дней»³⁷.

После посещения Елизаветы Петровны число этих «каторжников, работавших на моле», стремительно увеличилось³⁸. Со всей России, кроме Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерний, потянулись колодники, осужденные на смертную казнь и политическую смерть³⁹. Правда, мусульман, «трухменцев, калмык и прочих», закованных в ручные и ножные твердые кандалы под присмотром «надлежащего конвоя», гнали в Рогервик и из Астрахани и Оренбурга⁴⁰. Женщины, повинные в тяжких преступлениях, в каменотесы не годились и поэтому отправлялись в Сибирь⁴¹.

Публика на строительстве гавани изменилась, по сравнению с петровскими временами. Теперь большинство составляли не сумрачные бородачи и раскольники, а смертные убийцы, разбойники и изготовители фальшивых векселей. Охрана каторжных была делом и опасным, и очень тяжелым, поскольку несение караула заключалось для офицеров и солдат в постоянном присутствии на молу в дождь, ветер и снег. По случаю знаменитому Андрею Болотову пришлось в 1755 году месяц нести вахту на острове Рогервик. «Честное или злодейское собрание», которое ежедневно должен был перекликать по списку будущий мемуарист, поразило его своим многообразием и ярким подтверждением пословицы, что от сумы да от тюрьмы в России зарекаться не стоит. «Были тут, - вспоминает Болотов, - <люди> всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость, <...> кроме русских были тут люди и других народов, были французы,

---

³⁷ Записки императрицы Екатерины II. Лондон. 1859. С.50 (В петербургском издании 1907 этот сюжет отсутствует, ср.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб. 1907. С.92-93). См., например, воспоминания о посещении двором острова Рогервик в 1746 году: Jetze F.Ch. Statistische Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland. Liegnitz. 1788. S.92-97 etc.; Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Русская старина. 1885. Т.46. №5. С.417-420; Поездка императрицы Елизаветы Петровны в Эстляндскую губернию. 1746 // Русский архив. 1895. Кн.3. Вып.9. С.5-12 и проч.

³⁸ Только в 1751 году «определенных в рогервикскую работу колодников в присылке <было> около 2000 человек» (ПСЗ. Т.ХIII. №9871. С.462-463. 1751 31 июля; №9872. С.463-464. 1751 31 июля).

³⁹ См., например: ПСЗ. Т.ХIII. №9943. С.609. 1752 23 февраля; Т.ХIV. №10541. С.551-552. 1756 12 апреля.

⁴⁰ Сенатский указ об отсылке в Рогервик содержащихся в Оренбургской и Астраханской губерниях тяжких преступников: трухменцев, калмыков и прочих магометян (ПСЗ. Т.ХIV. №10764. С.795-796. 1757 24 сентября).

⁴¹ Сенатский указ о неотправлении в Рогервик женщин, осужденных к смертной казни; и об отсылке их в Сибирь на житье (ПСЗ. Т.ХIII. №9911. С.543-544. 1751 28 ноября).

немцы, татары, черемисы и тому подобные»⁴². Чьи судьбы только не пересеклись с островом Рогервик: руководил инженерными работами в самый разгар строительством порта и мола, с 1752 по 1762 годы, Абрам Петрович Ганнибал; а каторгу здесь отбывали и восставшие башкирцы, и шут Петра Иван Балакирев, и Слават Юлаев с отцом, и лихой Ванька Каин⁴³.

Осужденные, избежавшие смертной казни и политической смерти, были обречены на мучения и довольно скорую кончину. «Каторжных водили на работу окруженных со всех сторон непрерывным рядом солдат с заряженными ружьями, - продолжает Болотов, - собственное жилище их построено в превеликом остроге, посреди которого огромная связь, разделенная внутри на разные казармы. Сии набиты полны злодеями, которых в мою бытность было около тысячи <...>. Все без изъятия они закованы в кандалах, и многие имеют двойные и тройные железа»⁴⁴. С 1753 года по 1756 год на остров Рогервик прибыло 13242 арестанта, из них умерло 13101⁴⁵. Так мораторий на смертную казнь превращался в отсроченную на несколько месяцев гибель.

Между тем в годы правления Елизаветы Петровны рогервикская каторга имела важную функцию колоссальной тюрьмы в условиях твердо проводимой императрицей приостановки исполнения приговоров к высшей мере наказания. И хотя, казалось бы, практическая сторона дела была урегулирована, подспудное противоречие между политической элитой и властью в вопросе о смертной казни оставалось.

«Сенат великое опасение имеет»

Недоумение сенаторы высказали осень 1743 года сразу же после послания императрицы фельдмаршалу Ласси, в котором она распорядилась поставить Стокгольм в известность о замене в России смертной казни на политическую смерть даже за такие страшные преступления, как обиды шведским подданным. Настойчивость Елизаветы, которая отчетливо проявилась в собственноручном высочайшем указе, написанном прямо на докладе сената, о приостановке экзекуций колодникам в мае 1744 года еще более накалила страсти.

Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули сразу несколько аргументов против моратория на смертную казнь. Во-первых, они полагали, что число всех этих оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти.

⁴² Болотов А.Т. Записки. СПб. 1870. Русская старина: приложение. Т.1. С.341-342.

⁴³ См., например: ПСЗ. Т.XIV. №10705. С.742-743. 1757 18 марта; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1963. Кн.IX. Тт.17-18. С.539; Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. М. 2013. С.297, и др.

⁴⁴ Болотов А.Т. Записки. Т.1. С.341-342.

⁴⁵ См. об этом, например: История пролетариата СССР. 1933. №13-16. С.179.

Армию преступников крайне сложно удержать в повиновении, начнутся побег, наказания несчастных караульщиков и разорение порядочных подданных. Во-вторых, сами эти подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Прибегли сановники и к такому, аргументу, значимому, с их точки зрения, для «веселой императрицы», как трудоемкость личного выслушивания докладов по каждому преступнику – «никак время к тому доставать не будет, а колодники час от часу будут умножаться». В результате они робко предложили представлять на высочайшее рассмотрение только дела, осужденных на смертную казнь, а политическую смерть вершить, как прежде, на уровне губерний и провинций. На все эти многостраничные протоколы императрица ответила одним распоряжением – четко определить понятие «политическая смерть» и указать «за какие вины положена», экзекуции же не вершить⁴⁶.

Таким образом мнение правящей элиты в самодержавной России с легкостью игнорировалось, а мораторий на смертную казнь и политическую смерть был установлен и неукоснительно исполнялся. Однако противоречия, скрытые за верноподданической стилистикой сенатских докладов, отчетливо проявились при составлении так и не завершенного текста нового уложения.

В августе 1754 года по представлению П.И.Шувалова за «сочинение ясных и понятных законов» заседала специально созданная при Сенате комиссия⁴⁷ в составе генерал-майора Ивана Дивова, вице-президента юстиц-коллегии Федора Эмме, обер-секретаря Сената Александра Глебова, коллежского асессора Василия Ляпунова, бургомистра главного магистрата Ивана Вихляева, главного судьи сыскного приказа Никиты Безобразова и главного судьи судного приказа Ивана Юшкова, а также профессора Академии наук Фридриха Генриха Штрубе де Пирмонта. Все эти «законотолкователи и законоискусники» получили в помощь опытных канцеляристов, а также средства из штатс-конторы на бумагу, чернила, сургуч, дрова и свечи. Им предстояло написать проект будущего уложения, включающий четыре части – «о суде», «о различных состояниях подданных», «о движимом и недвижимом имении», «о казнях, наказаниях

---

⁴⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.919. Л.1-4, 5^{об}, 10-10^{об}; Д.1023. Л.14-16^{об}. Сенатский архив. СПб. 1892. Т.5. С.651; Сенатский архив. СПб. 1893. Т.6. С.62, 642. См. об этом также: Писаренко К.А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743-1744 гг. С.33, 44-48.

⁴⁷ В целом о работе комиссии см. подробнее: Омельченко О.А. Законная монархия Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М. 1993. С.39-53.

и штрафах»⁴⁸. Через год были готовы две, наиболее проработанные, с точки зрения комиссии, части, так называемые «судная» и «криминальная». Однако, по всей видимости, воск и перья тратились впустую – Елизавета до 1759 года хранила молчание по поводу представленного ей проекта, затем приказала исправить текст и закончить две другие части. Комиссия была усилена сенаторами Романом Воронцовы и Михаилом Шаховским⁴⁹, и в роковом для императрицы 1761 году в ее руках оказался труд в виде рукописи, призванной обратить высочайшее внимание на действительно тщательное исследование вопроса и включающей «прежней комиссии рассуждения» и то, что «ныне комиссией рассуждено»⁵⁰.

Однако, на первый взгляд, в статьях присутствовала лишь преемственность с Соборным уложением, Военскими артикулами, Морским уставом, Генеральным регламентом, с одной стороны, и обнаруживалось полное забвение всех указов правящей монархини, касающихся смертной казни и политической смерти, - с другой. После десятилетия практически существующего моратория на исполнение подобных приговоров сфера действия высшей меры наказания была расширена, а сама процедура казни стала более жестокой. По проекту лишались жизни не только разбойники, душегубы и фальшивомонетчики: на плаху можно было угодить за кражу свыше 40 рублей, любую третью кражу, ввоз медных денег из-за границы, ограбление могил, повреждение чужого здоровья через корни, а также за умышленное недоведение до сведения подданных губернаторами или воеводами указов, объявленных во всеобщее известие и т.д.⁵¹ Иными словами, смертная казнь провозглашалась единственной или максимальной санкцией за огромный спектр деяний: преступления против веры, церкви, власти, порядка, за убийства, грабежи, разбои, воровство, контрабанду, колдовство, блуд, соучастие, доноительство и т.д.

Способы лишения преступников жизни также не свидетельствовали о гуманизации уголовного права. Члены комиссии в этом вопросе проявили особую изобретательность и воспроизвели самые разные формы смертных экзекуций: помимо банального отсечения головы, преступника можно

---

⁴⁸ См., например: ПСЗ. Т. XIV. №10283. С.201-209. 1754 24 август.

⁴⁹ ПСЗ. Т. XV. №11335. С.793. 1761 29 сентября. Место выбывших А.И.Глебова, И.И.Вихляева и Ф.-Г.Штрубе де Пирмонта заняли А.П.Квашнин-Самарин и А.М.Еропкин.

⁵⁰ Правка вносилась в эти части проекта уложения и после смерти Елизаветы Петровны при новом императоре Петре III.

⁵¹ Проекты уголовного уложения 1754-1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены). СПб. 1882. Под. ред. А.А.Востокова. С.120-121, 143-144, 148, 171 и др.

было четвертовать, повесить за ребро, сжечь, залить горло свинцом и даже разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей⁵², что вообще являлось новшеством для русской традиции⁵³.

Между тем в данном контексте проект нового уложения нельзя считать какой-то своеобразной формой законотворческой фронды сенатской комиссии. Ведь во время правления Елизаветы Петровны речь шла не о смягчении уловного законодательства, а о правиле обязательной высочайшей конфирмации всех приговоров к смертной казни и политической смерти, которое, кстати, вообще не было доведено до сведения большей части подданных. Что же касается собственно подтверждения приговора, то авторы резонно предложили снизить уровень, на котором окончательно провозглашались сентенции и подойти дифференцированно к личности преступников. Иными словами, предлагалось судьбу колодников, принадлежащих к дворянству и купечеству первой гильдии, решать на уровне Сената, а дела «подлых и бесчиновых злодеев» рассматривать не выше губернии или, в крайнем случае, юстиц-коллегии. В том, что конфирмация последует, у комиссии сомнений не возникало, поэтому «без всяких отлагательств» осужденным предназначались две недели покаяния, причастие и на другой день казнь, правда, не в городе, но «в пристойном публичном месте» недалеко от города⁵⁴, а также публикация во всенародное известие о винах преступника и самой экзекуции⁵⁵.

Очевидно, что именно здесь прагматика данного подхода шла вразрез с мировоззренческим оттенком указов императрицы, подразумевающим запрет без высочайшей конфирмации вершить смертную казнь и политическую смерть за любые преступления, совершенные любым человеком без различия чинов и достоинства, о чем свидетельствовал и социальный состав сосланных на ровервикскую каторгу.

Ситуация с подготовкой уложения и позицией Елизаветы Петровны выглядит еще более невероятной, если учесть, что перед началом работы комиссии над второй редакцией проекта кабинет-министр Адам Олсуфьев

---

⁵² Такая страшная казнь, по мнению авторов первого варианта проекта, следовала за «злое дело на дражайшее здоровье» императора. Во втором варианте разрывание на пять частей великодушно заменили четвертованием (Проекты уголовного уложения 1754-1766 годов. С.76).

⁵³ Колесование предполагалось, например, за убийство в присутствии императора, грабителя вешали за ребро, изготовители фальшивых денег по обычаю получали в горло расплавленный свинец, а поджигателей и недоносителей на них соответственно сжигали и проч. (Проекты уголовного уложения 1754-1766 годов. С.68-69, 76, 92, 103-106, 111, 137-143, 143-144 и т.д.). Странно, что авторы упустили посадку на кол и «окопание в землю».

⁵⁴ Как пелось в знаменитой песне: «Я за то тебя, детинушка, пожалую среди поля хоромами высокими - что двумя столбами с перекладиной».

⁵⁵ Проекты уголовного уложения 1754-1766 годов. С.54-57.

словесно объявил, что «Ее Императорское Величество высочайше повелеть соизволила в оном новосочиняемом уложении за подлежащие вины смертной казни не писать»⁵⁶. После этого последовали указы о выборе в городах дворян и купцов для «слушания новосоставленного уложения»⁵⁷. Таким образом предметом публичного обсуждения мог стать вопрос не просто о моратории на смертную казнь и политическую смерть, а о принципиальном изменении уголовного права. Однако исправленный вариант проекта мало чем отличался от первоначального, практически ужесточающего применение высшей меры даже по сравнению с петровским законодательством, если не считать великодушную замену разрывания осужденного пятью лошадьми четвертованием. Сейчас становится ясно, что императрица не уступила бы, и лишь ее кончина прервала невиданное в России противостояние самодержца и политической элиты по поводу гуманизации наказаний за тяжкие преступления.

«Знаменитый пример императрицы Московии»

Таким образом, в середине XVIII века в Российской империи более 20 лет неукоснительно соблюдался мораторий на смертную казнь. Предположение, высказанное Щербатовым, о клятве императрицы перед иконой Спаса не лишать ни одного подданного жизни, обошло все учебные пособия и исследовательские труды, было принято на веру и не получило научных комментариев. Между тем отношение власти, политической элиты и в целом современников к смертной казни является важной характеристикой состояния умов в обществе.

В данном случае, во-первых, на лицо очевидные коллизии сознания отдельной личности. В отчаянных жизненных ситуациях человеку свойственно обращаться к Богу и надеяться на чудо, когда, кажется, никто не может помочь и ничто не может спасти. В зависимости от индивидуального опыта, религии, глубины собственных духовных переживаний эти иррациональные «договоренности» со всевышним могут облекаться в самые неожиданные формулировки⁵⁸. Обещание, данное проповеднику из Иудеи, вполне укладывалось в русскую теремную

---

⁵⁶ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.41. Ч.6. Л.15. См. об этом: Сергеевский Н.Г. Предисловие // Проекты уголовного уложения 1754-1766 годов. С.XIV; Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб. 1902. Т.II. С.973; Омельченко О.А. Законная монархия Екатерины Второй. С.42.

⁵⁷ См.: ПСЗ. Т.XV. №11335. С.792-794. 1761 29 сентября; №11378. С.862-863. 1761 8 декабря.

⁵⁸ Хорошо известно, что Антон Антонович Сквозник-Дмухановский сулил вполне конкретные материальные подношения: «Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой...».

набожностью Елизаветы Петровны, «не желающей интересной прибыти от врагов Христовых». По всей видимости, она действительно взяла на себя определенные обязательства перед своим Богом, при условии, что он обеспечит удачный гвардейский переворот. Как известно, переворот удался, и нужно было платить по счетам.

Все эти курьезы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, византийский обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха. С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далекими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о невершении смертной экзекуции.

Создается впечатление, что решение императрицы о запрещении приводить в исполнение без высочайшей конфирмации смертную казнь и политическую смерть касалось исключительно ее отношений с ее Богом. Подданным, а уже тем более «злодеям», чьи судьбы непосредственно зависели от этого решения, вообще ничего знать не полагалось. Как такового указа о моратории, снабженного расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, не было. На места поступили лишь полусекретные, никак не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием представлять в Сенат экстракты дел о приговоренных к высшей мере наказания. Судьба таким образом помилованных колодников, спасение их грешных душ и возможное исправление императрицу совсем не занимали. Все они гибли если не под ударами кнута, то от непосильной каторжной работы на северном «острове Рогервик».

С другой стороны, Елизавета была непреклонна и бескомпромиссна в своем решении, мотивы которого раскрывать не считала нужным. Видимо в соответствии с ее понимаем христианских истин, не было ни иудея, ни эллина, и спасены были все, а не только избранные: смертью не казнили никого, вне зависимости от совершенного преступления. При этом под запрет попадала не только натуральная казнь, но и имитация ее в виде «возведения на виселицу или положения на плаху», что для императрицы означало ритуал политической смерти. Театрализация лишения подданных жизни, очевидно, тоже входила в достигнутую со всевышним договоренность.

Так рефлексия верующей императрицы в абсолютистской России за 20 лет до выхода в свет знаменитого трактата Черазе Беккариа с легкостью воплотила мечту философа, о которой Европа еще только начинала рассуждать. Однако Елизавету Петровну и итальянского мыслителя

разделяли не два десятилетия, а целая эпоха, и в моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились не просветительские идеалы, а средневековая религиозность, с одной стороны, и уверенность самодержца в том, что государственный закон и его воля едины, - с другой. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и вообще никак не была связана с развитием юридического знания того времени. Любые рассуждения об ограничении публичности казни, переносе акцента со зрелищности расправы на торжество справедливости в суде⁵⁹, переходе от наказания тела к предотвращению повторного деяния и прочие идеи, волнующие европейских философов и правоведов⁶⁰, мало занимали императрицу. Логика христианских заповедей⁶¹ напрямую привела ее к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?». Решив, что лучшей благодарностью Богу будет отказ от смертной экзекуции⁶², русская

⁵⁹ В историографии практически отсутствует сравнительный культурологический анализ зрелищности смертной казни в России и постепенного отхода от демонстративных экзекуций в Европе. Можно лишь отметить, что в соответствии с Соборным уложением публичность казни, используемой как средство мести и устрашения, считалась обязательной: «Смертные казни вершить в тех местах, где <воровские люди> воровали или, где они жили, чтоб на них смотря, иным не повадно было, а на пустых местах таких воров не вершить» (ПСЗ. Т.I. №431. С.799. 1669 22 января). В 1727 году была предпринята попытка некоторой регламентации ритуала смертных экзекуций. Во-первых, в Петербурге со столбов и кольев убрали тела и головы – то, что осталось от преступников, захоронили. Во-вторых, запрещалось чинить смертные казни в обеих столицах, расправы следовало переносить за город в специально отведенные места, например, в северной столице для этого предназначались Московская и Выборгская сторона (ПСЗ. Т.VII. №5118. С.824. 1727 10 июля; №5155. С.859. 1727 17 сентября; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т.II. 1725-1740. СПб. 1873. С.101). Как известно, последний указ часто игнорировался.

⁶⁰ См. об этом, например: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. 1999. С.7-104; Evans R.J. Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600-1987. Oxford. 1996. P.130-137 etc.; Graff H.-J. Crime and Punishment in the Nineteenth Century: a New Look at the Criminal // Journal of Interdisciplinary History. 1977. Winter. VII:3. P.477-491; Martschukat J. Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. Bis zum 19. Jahrhundert. Köln. 2000. S.12-53; Фридланд П. От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.) СПб. 2011. С.119-134; и др.

⁶¹ Характерно, что члены Синода даже при полном согласии с сентенцией не имели права подписывать смертные приговоры, «поелику они суть духовного чина» (См., например: ПСЗ. Т.XVI. №12241. С.906-907. 1764 15 сентября).

⁶² Собственно подобная логика не являлась чем-то исключительным для России середины XVIII столетия. В.Н.Татищев в своде законов, регламентирующих труд на горном производстве, высказывал сходные мысли, по поводу смертных приговоров, правда, он имел в виду только несправедливые: «Некоторые судьи, забыв страх божий и вечную души своей погибель, <...> на смерть или к лишению чести без всякого к

императрица своей самодержавной волей не допустила ни одной казни и даже ее имитации в виде политической смерти, а за несколько месяцев до собственной кончины вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства и, видимо, приведении его в соответствии с исповедуемой ей верой.

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно до конца не понятных и ею самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью, и, может быть, этот факт и побудил итальянского просветителя поставить вопрос: «является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно Черазе Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отозвался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, - писал он в 1764 году, призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в Россию, - воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин - подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество»⁶³.

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов ее подданных. Как уже отмечалось, о приостановке смертной экзекуции объявлено не было, однако, в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России⁶⁴. Казалось, что волна бунтов и разбоев накроет страну,

---

тому надлежащего доказательства осуждают» [Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1964. Кн.Х. Тт.19-20. С.490; Татищев В.Н. Заводской устав, или Горные узаконения // Горный журнал. 1831. Ч.1. Кн.2. С.98(177)].

⁶³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях». М. 1939. С.314-333.

⁶⁴ Так в январе 1726 года было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обонежской пятины Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого: «повесить в той Обонежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведенное таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении казны, в

если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов⁶⁵. Первый русский обер-прокурор Павел Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет»⁶⁶.

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов ее применения, и произошло это не благодаря трактату Беккария, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С.М.Соловьев писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало»⁶⁷.

частности, в покупке хлеба за счет средств из рекрутского подушного сбора и использовании уездных подвод без платежа прогонных денег (ПСЗ. Т. VII. №4826. 1726 24 января).

⁶⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1964. Кн.Х. Тт.19-20. С.608.

⁶⁶ Записка П.И.Ягужинского о состоянии России // Чтения ОИДР. 1860. Кн.4. С.271.

⁶⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1963. Кн.ХI. Тт.21-22. С.527.